

INSPIRIA

ИГРА В МАФИЮ

Один из нас – **убийца**.
Мы все – его **жертвы**.

마피아 찾기
КИМ ХАРИМ

INSPIRIA

Харим Ким
Игра в мафию
Серия «Ток. Национальный
бестселлер. Корея»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74175596
ISBN 978-5-04-250114-2

Аннотация

Герметичный триллер от автора бестселлера «День, когда я исчезла»

Напряженная игра на выживание в духе «Десяти негрятят» и «Игры в кальмара»

Социальный эксперимент с убийцей, выпешедший из-под контроля.

Легко ли вам принять решение? Сможете ли вы за минуту решить кого спасти, а кого оставить умирать? Кто убийца, а кто лишь случайный свидетель? А если этот убийца рядом с вами, вы сможете его найти?

Два жестоких убийства.

Когда полиция совместно с известным профайлером Хон Кичжуном запускает социальный эксперимент, основанный на реальных преступлениях, никто не сомневается в безопасности

мероприятия. Гарантируется полная анонимность и соблюдение всех законов. Но самое заманчивое – огромный денежный приз.

Восемь участников в масках.

Для участия отбирают восемь случайных человек, которым предстоит пройти два этапа «игр». Облаченные в черные бесформенные костюмы и маски, они не имеют права раскрывать свои личности.

Одна неделя в замкнутом пространстве.

Отрезанные от внешнего мира в уединенном здании за городом, участники легко справляются с первым этапом. Вот только с началом второй недели все чувствуют что-то неладное. Задания становятся более странными, но по-настоящему их пугает подслушанный разговор Хон Кичжуна...

Один убийца, запертый со всеми.

Среди них убийца, и он уже совершил несколько убийств! Их специально собрали вместе, чтобы вычислить личность преступник. И эксперимент не закончится, пока он не будет найден.

Содержание

1
Конец ознакомительного фрагмента.

6
44

Ким Харим

Игра в мафию

by

FINDING THE MAFIA by Kim Harim

Russian Translation Copyright © 2025 «Publishing House

«Eksmo»

Copyright © 2024 GOZKNOCK ENT

ALL RIGHTS RESERVED

This translated edition was published by arrangement

with A2Z ENTERTAINMENT Co.,Ltd.

through Shinwon Agency Co., Ltd

© Гурьева А., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2026

* * *

И снова повисло молчание. Достаточно было посмотреть на лица, чтобы понять: теперь уже никто не хочет никаких игр, но, более того, никто даже и не думает подчиниться.

1

Сегодня

Фургон спешил через бескрайнее тростниковое поле и, миновав элегантные железные ворота, остановился у жилого здания.

– Спасибо! – Поблагодарив сидевшего за рулем незнакомца, Минчжү вышла из автомобиля. Стоило коснуться земли, ноги охватил холод, будто они были босые. Дверь специально присланного за ней фургона захлопнулась, и он покатил дальше. Прохлада проникала под плащ, и, невольно подрагивая, Минчжу оглядела белое здание. Она здесь уже бывала, но ее не покидало чувство, будто она оказалась в совершенно незнакомом месте.

Здание европейского типа, которое в гордом одиночестве высилось над широким полем тростника, говорят, некогда служило декорацией в сериале. Правда, теперь краска местами облупилась, кое-где виднелись трещины, и вид у дома был несколько устрашающий. Вокруг лишь колыхалось море тростника, а дорога, по которой ее привез фургон, была пустынна, ни единой машины.

Минчжу повесила на плечо сумочку, которую до сих пор держала в руках, и прошла в дверь с бумажной табличкой: «Прием участников эксперимента». Пройдя дальше,

она оказалась в гостиной, в каком-то сериале выполнявшей роль хозяйского дома. Комната явно больше тридцати метров, и в ней царила особая прохлада, какая может быть только там, где нет следов жизни.

Откуда-то донесся разговор шепотом – похоже, в кухне был кто-то из сотрудников. Минчжу направилась на голоса, как вдруг из кухни резко выскочил незнакомый мужчина в оранжевой футболке. Видимо, услышал шаги.

– Добро пожаловать!

Она уже видела его в ходе первого этапа эксперимента. Роста обычного, но столь хорош собой, что остался в памяти. Думая о том, что надо бы детально запомнить его черты, ведь некоторое время ей придется видеть не лица, а неприятные маски, Минчжу последовала за мужчиной. На кухне рядом друг с другом сидели мужчина и женщина, одетые в одинаковую униформу. Как только Минчжу присела перед ними, мужчина протянул бумагу – согласие на участие в эксперименте:

– Здесь то же самое, что в первый раз.

На листке были сформулированы условия первого этапа.

А. Мое участие в эксперименте является добровольным.

Б. Я буду находиться в определенном предоставляемом организаторами пространстве, носить определенную форму одежды («форму участника») и вести себя, руководствуясь принципами совести и морали.

В. Я сдам все свои принадлежности, за исключением вещей, согласованных с организаторами.

Г. Я буду следовать правилам эксперимента и добросовестно выполнять указания организаторов.

Д. Ввиду того, что эксперимент подразумевает «коллективную анонимность», обращения по отношению друг к другу употребляться не будут.*

**В контексте данного эксперимента под «анонимностью» имеется в виду нераскрытие личных данных.*

Е. В ходе эксперимента категорически не разрешается снимать форму участника. Однако во время нахождения в своей комнате можно снимать форму и переодеваться.

Ж. В случае нарушения правил я не буду возражать против установленного организаторами штрафа. Под штрафом подразумевается урезание определенной суммы из полагающейся мне выплаты за участие в эксперименте.

З. Сумма авансовой выплаты по договору составляет 10 000 000 (десять миллионов) вон¹ и перечисляется только при условии участия в обоих этапах эксперимента. Сумма аванса выплачивается в день накануне начала первого этапа эксперимента. Оставшаяся сумма выплачивается в день ухода с места проведения эксперимента по его завершению; дата в настоящее время является неизвестной. Общая сумма, полагающаяся за участие в эксперименте, включая авансовую выплату, составляет 50 000 000 (пятьдесят

¹ Около 571 тыс. рублей.

миллионов) вон. В случае выхода из эксперимента до его завершения или отказа от участия в нем накладывается штраф в объеме двойного размера авансовой выплаты.

И. Все правила эксперимента соответствуют действующему законодательству. В случае совершения преступления кем-либо из участников немедленно последует вмешательство организаторов, а также, в зависимости от характера совершенного преступления, может оказаться неизбежным вмешательство полиции.

Первый этап эксперимента завершился две недели назад, а теперь предстояло еще неделю находиться здесь и выполнять предписываемые действия. Поскольку участие предполагало необходимость совместного с другими участниками проживания на территории проведения эксперимента, который к тому же имел неудобный двухэтапный график, Минчжу полагала, что число подавших заявку на участие будет совсем небольшим, и удивилась, узнав, что таковых несколько десятков тысяч человек. И из этого огромного числа выбрали ее. Заявку она подала, увидев обещанную сумму, а затем, после рассмотрения документов, прошла собеседование и вот оказалась здесь. Сколько ни раздумывай, критерии отбора были ей совершенно непонятны.

В документе не было новых пунктов, так что Минчжу без колебаний взяла ручку. Стоило ей обозначить в рамке для подписи свое имя «Ким Минчжу», бумага тут же перешла в руки одному из организаторов.

– Прошу сюда.

Минчжу пошла за мужчиной. Порядок соответствовал первому этапу, поэтому она предполагала, куда они идут.

В раздевалке тоже было все по-прежнему. Комнатка меньше десяти метров, восемь вытянутых шкафчиков, во всех торчали ключи, один открыт. Это будет ее шкафчик.

Сотрудник вышел, и Минчжу осталась в раздевалке одна. В ящичке лежала упакованная в полиэтиленовый пакет форма, «специальная одежда», предоставляемая организаторами. Там были также футболки и белье, которые предполагалось надевать под форму, и пижамы, всего по восемь пар, так что можно было переодеваться хоть каждый день, и все равно оставался запас. Отдельно был упакован комбинезон в единственном экземпляре. В нем предстояло ходить всю неделю.

Минчжу достала все это, а свои вещи сложила в шкафчик. Их и было-то всего ничего. Она знала, что все равно вещи нельзя брать с собой, поэтому особо не запаслась. По заблаговременной договоренности с организаторами с собой разрешалось пронести только лекарства, например от аллергии, глазные капли, противозачаточные таблетки и женские прокладки. На первый этап она, не зная о всех строгостях, пришла с кучей вещей, и все они были отобраны.

Минчжу переоделась в легкую одежду. Комбинезон был похож на летние одеяния эпохи Чосон, с полами и рукавами, изготовлен из высококачественного хлопка, свободно сидел

и был весьма удобен. В прошлый раз она позвала сотрудника, чтобы сказать, что одежда слишком велика, но теперь так делать не стала. Ведь Минчжу уже знала, что такой размер выбран намеренно.

Внутри комбинезона были всякие приспособления, позволявшие скрыть фигуру. В области плеч были вшиты плотные накладки, напоминавшие наплечники на военных одеяниях Средневековья, к животу крепилось что-то вроде щита, который не позволял разглядеть очертания тела. К шее сзади был прикреплен плотный капюшон, чтобы покрывать голову.

На самом деле еще более странно, чем костюм, выглядела «маска», вделанная в капюшон. Не успела Минчжу надеть ее, как в памяти всплыли воспоминания о первом этапе эксперимента, и ее бросило в пот.

И это было еще далеко не все. Перчатки, носки, обувь – все это было черным, а в ботинках армейского типа были помещены стельки чуть ли не двадцати сантиметров толщиной. По всей внутренней поверхности была проложена губка, явно с намерением лишить возможности угадать размер ноги в обуви, казавшейся раза в полтора больше реального. При такой продуманности различить участников казалось абсолютно невозможным. Только голос, который был сформирован размещенным внутри маски преобразователем, отличал говорящего от других.

Все еще очень живы были воспоминания о минувшей

неделе, которую Минчжу провела среди совершенно одинаково одетых участников, носивших совершенно одинаковые маски и на вид обладавших совершенно одинаковым телосложением. Неизвестно, кто есть кто, лица скрыты – именно это создавало ощущение того, что те дни прошли в каком-то хаосе.

Минчжу надела маску и взглянула в зеркало. Казалось, на нее смотрит не она сама, а совсем другой человек. То самое «чужое лицо», которое она видела в течение всей прошлой недели. Надев выданные ей часы, женщина открыла дверь раздевалки, перед которой уже ждала сотрудница с висящим на руке золотым детектором.

– Вы закончили переодеваться? Позвольте, ради соблюдения безопасности я проверю.

В прошлый раз была такая же процедура. Минчжу кивнула, а женщина, досконально пройдясь детектором по всему телу, пригладила одежду и завершила досмотр. Затем тот самый сотрудник с привлекательной внешностью проводил ее к месту проведения эксперимента. Оно находилось на втором этаже того же здания. Если на первом этаже сохранялся антураж дома, в котором, согласно снимавшемуся здесь когда-то сериалу, проживала семья, то второй этаж был полностью переоборудован в соответствии с целями эксперимента.

Сразу у лестницы на втором этаже была еще одна дверь. Белая двойная дверь. Прежде чем открыть ее, мужчина сказал, словно вопрошая:

– На месте проведения эксперимента уже ждут другие участники. Как и на первом этапе, вы можете выбрать комнату по своему желанию.

– В прошлый раз мы все заходили в разное время и не пересекались друг с другом. В этот раз тоже? – раздался измененный голос Минчжу, чужой, совершенно незнакомый. Как и на предыдущем этапе – грубый, низкий, мужской. Ей, обладательнице высокого сопрано, тогда показалось удивительным, насколько изменилась тональность. И сейчас ощущения, будто говорит кто-то другой, были не менее странными.

– Да.

– Наверное, поэтому тот, кто в тот раз пришел первым, сказал, что ждал пять часов. Судя по таблице... сегодня, видимо, я первая?

– Да, верно.

– Как не повезло-то.

– Простите. Это вынужденная мера, чтобы скрыть личность каждого участника. Просим вашего понима...

– Да ладно...

Махнув рукой и сопроводив жест раздраженным вздохом, Минчжу прошла в помещение, где будет проходить эксперимент. Сразу бросилась в глаза белая доска на стене слева. В тот раз ее не было...

Сотрудник проводил Минчжу только до двери и вышел. В отличие от предыдущего этапа, не прозвучало никаких

вежливых фраз типа «Желаю хорошо провести время» или «Удачи». Возможно, именно это создало определенное ощущение того, что она оказалась в этом замкнутом пространстве, чтобы «подвергнуться» эксперименту.

Помещение занимало площадь около трехсот метров и имело простую планировку. На чертеже оно выглядело бы как большой четырехугольник. Разделить по горизонтали пополам да сверху дорисовать восемь маленьких четырехугольничков на небольшом расстоянии друг от друга – вот и вся структура. На этих четырехугольниках, служащих комнатами участников эксперимента, привешены номера – от одного до восьми. Комнатки не более десяти метров каждая, но зато между ними был оставлен промежуток порядка метра, так что можно было не беспокоиться о приватности. При всей высоте потолка стены доходили прямо до него. И в окружении комнат находилось пространство, которое могло служить чем-то вроде общей комнаты. Организаторы называли его «лаунж»². А место, которое было отведено для совместного приема пищи, они обозначали как «дайнинг-рум»³.

Минчжу без особого интереса осмотрела помещение, которое выглядело точно так же, как и на первом этапе эксперимента. Широкое, но разделенное на части, оно при этом казалось каким-то слишком пустым. Возможно, это впечатление усиливалось отсутствием окон. В любом случае про-

² От англ. lounge – гостиная, место отдыха.

³ От англ. dining room – столовая.

странство было замкнутым, и из него не было возможности выглянуть наружу. По углам все так же располагались камеры наблюдения.

Минчжу выбрала для себя комнату под номером один, которая располагалась дальше всего от входа. Это была комната на противоположной от входа стороне, ближе всего к дайнинг-рум, та же, в которой Минчжу находилась во время первого этапа. С учетом отсутствия каких-либо изменений в организации внутреннего пространства не было смысла менять свой выбор.

Ознакомившись с инструкцией, размещенной возле дверного замка, Минчжу ввела новый код доступа. Несколько раз убедившись, что дверь запирается надежно, она прошла в лаунж. Воспоминания о проведенной в этих стенах предыдущей неделе делали пространство менее чужим. Тогда они играли в «Монополию», «Ручеек», «Скажи правду». Помнится, тогда по углам лежали всякие настольные игры... Теперь же комната была абсолютно пуста.

Интересно, чем они будут заниматься в этот раз? Ей было непонятно, что может дать организаторам сидение участников над настольными играми. Это все называется экспериментом, посвященным «анонимности», и невозможно было догадаться, в какой момент будут результаты. Интересно, это так задумано?

Безусловно, это не то, что Минчжу полагалось знать. Ведь, как ни крути, стоит закончиться эксперименту, ей на счет

упадет пятьдесят миллионов вон. Максимум за месяц она получает пятьдесят миллионов! О чем еще тут стоит беспокоиться! Размечтавшись о вариантах, на что она потратит эту сумму, Минчжу тихонько улыбнулась. Все равно маска не передает эмоций.

Прошло около получаса, когда раздался звук открывающейся двери. В помещение вошел еще один участник, выглядевший абсолютно так же, как Минчжу: серый комбинезон, та же маска и перчатки, полностью скрывающие руки.

Мёну спросил у провожавшего его сотрудника, можно ли пройти, и зашел в помещение, где будет проходить эксперимент.

За дверью открылось абсолютно белое пространство. Или нет, это вроде называется цветом слоновой кости. Он так и думал, что пространство будет, скорее всего, таким же, как на предыдущем этапе, но первым делом Мёну охватило тягостное чувство. Будто он втайне желал, чтобы хоть что-то выглядело иначе.

Он вышел из дома не позавтракав, и в животе урчало. Мёну спросил у сотрудника:

– А нет ли чего-нибудь перекусить? В тот раз, помнится, в дайнинг-руме было много всего... – И тут же, чтобы не произвести впечатление выскочки, добавил: – Просто я сегодня не позавтракал.

– В дайнинг-руме всегда будет приготовлен перекус, но

пока прибыли не все участники, ничего брать нельзя. Может, подойдет что-то из нашего?

– Буду очень признателен.

– Хорошо.

Сотрудник вышел, и дверь автоматически закрылась. Мёну почувствовал себя отрезанным от внешнего мира.

Он прошел в лаунж и взрогнул от неожиданности. На часах было только десять, и он думал, что будет первым, но в помещении уже находился человек. Кто-то в точно таком же облачении нагло восседал на диване, будто у себя дома.

– Добро пожаловать, – поздоровалась маска. Измененный голос звучал грубо и был очень низким, наверняка мужчина. Это тот участник, который ему так не нравился на первом этапе эксперимента. Удивительно надменный человек с резким характером, к которому никак не получалось почувствовать расположение.

– Здравствуйте! – Измененный голос Мёну представлял собой нечто среднее между мужским и женским, так что невозможно было определить его пол. Может, подойдет слово «бесполый»?

Он беспокоился, что в стиле приветствия проявится его возраст или пол. Таким ли образом последнее время здоровается молодежь – говорят «Здравствуйте»? Не желая выдать свои немалые годы, Мёну поскорее перешел к следующей фразе:

– Мне казалось, я приду раньше других, но вот оказался

вторым⁴.

– В прошлый раз я был вторым с конца, но это удобно, потому что не пришлось долго ждать начала. В этот раз, говорят, надо часов пять ждать. А вам, уважаемый, где-то четыре с половиной.

После этих слов, будто произошло что-то смешное, донесся звук, похожий на хихиканье. И, поскольку лица не было видно, казалось, что исходил он не от этого человека в маске, а откуда-то извне. Это было весьма непривычно.

Такое обращение, как «уважаемый», в некоторой степени прижилось еще на первом этапе эксперимента и негласно вошло в практику употребления среди участников. Возраст, профессию и уж тем более пол узнать было нельзя, так что подходящего обращения не было в принципе. Да и само по себе использование обращений было запрещено правилами эксперимента⁵.

– Моя комната вон та. Та же, что и в прошлый раз. – «Грубый бас», как прозвал его Мёну, указал на комнату номер

⁴ Поскольку в корейском языке отсутствует категория рода, в оригинале речь участников не указывает на пол говорящего. Ввиду того, что участники эксперимента не должны выдавать свой пол, мы везде переводим реплики в мужском роде (от слова «участник»). – *Прим. переводчика.*

⁵ Обращения и окончания глаголов в корейском языке зависят от социального положения, пола и возраста как говорящего, так и его собеседника (т. н. стили или степени вежливости). Различные формы обращений могут проявляться как в специальных словах, так и в специальных уважительных грамматических формах. Несоблюдение стилей вежливости в корейском языке считается грубым нарушением субординации.

один, которая была ближе всего к дайнинг-руму. Видимо, не без предостережения, лучше туда не соваться. Мёну послушно закивал. Сам он выбрал комнату номер четыре, тоже ту, в которой находился в прошлый раз.

Этот Грубый бас, как и на первом этапе эксперимента, был болтливым. На все отвечать да реагировать никаких сил не хватит, так что Мёну просто рассеянно кивал. Похоже, тому не очень понравилась такая реакция, поскольку вскоре он стал менее разговорчивым. Вот тогда-то Мёну и ощутил удобство того, что называется «анонимностью» и позволяет скрывать твою личность. Нет необходимости из вежливости натужно улыбаться или терпеть то, что неприятно.

Не заботиться о том, как оценивают тебя окружающие, – эта возможность оказалась лучше, чем можно было подумывать. Он чувствовал себя так, будто очутился в ином мире. За пятьдесят лет своей жизни Мёну бесчисленное количество раз слышал, что он выглядит каким-то слабосильным, будто в воду опущенным. Вместе с издевательскими репликами типа «Тоже мне предприниматель». Характера он не такого, чтобы давать отпор, потому только посмеивался, при этом внутри закипая от злости. Мёну хотелось кричать: «А что поделать, коли таким уродился? Вы-то все будто такие идеальные!» А здесь не было никого, кто стал бы проезжаться по этому поводу. Хотя, конечно, обусловлено это было тем, что такое поведение не позволялось.

Входная дверь открылась, и сотрудник принес печенье и

выпечку. Мёну раскрыл во рту у своей маски устройство, раздвигающееся подобно зонтику, и съел печенинку. Он не стал обременять себя такой ерундой, как из вежливости предложить Грубому басу угоститься. Можно было не думать о своем имидже и просто жадно жевать. Ведь благодаря устройству маски даже форма его рта не была видна другим.

«Ан Сухо».

Вписывая имя в рамочку для подписи, Сухо вздохнул будто с сожалением. Не очень-то нравилась ему необходимость впихивать себя в «специальную одежду» и закрывать свое лицо нелепой маской. Ему, такому классному, начиная с имени⁶. Если бы можно было блеснуть лицом, уж он бы точно выделился среди других участников и стал бы центральной фигурой во всем этом процессе!

У Сухо была возможность попасть на экраны и стать знаменитостью, но он отказался от этой мечты, поскольку в последнее время мир слишком озабочен такими делами, как терроризм в учебных заведениях или связанное с Японией прошлое⁷. В студенческие годы в силу своего вспыльчивого характера он не раз оказывался вовлечен в ряд незначительных неприятных ситуаций и опасался, что это могут раздуть. Не хотелось ставить на рисковую карту, чтобы после кратко-

⁶ В корейском языке имя Сухо () означает «страж» или «защитник».

⁷ По всей видимости, имеется в виду период колониальной зависимости Кореи от Японии (1910–1945).

временной славы жизнь рухнула. Потому Сухо работал моделью, демонстрирующей одежду без необходимости показывать лицо. Но сколько можно, ведь на эти гроши не прокормишься. В последнее время его голову буквально разрывала забота о дне грядущем. И тут как раз подвернулось объявление. Клонув на сумму в пятьдесят миллионов, Сухо, не раздумывая, подал заявку на участие. Чтобы уже с этими миллионами в кармане спокойно подумать о своем будущем.

Сухо считал, что успехом в прохождении интервью он обязан своей привлекательной внешности. Сотрудник, который сопровождал его до места, тоже был очень ничего, но по сравнению с ним – просто не на что смотреть, здесь Сухо был уверен в себе. Рост сто восемьдесят восемь сантиметров, да еще и широкоплеч. А о лице и говорить нечего. Кто-то иной раз начинал возникать, что, мол, Сухо слишком мнит о себе, а кто-то приободрял, что он этого достоин. Понятное дело, он соглашался со вторыми. И вот, покинув раздевалку, Сухо превратился в такого, как все остальные, участника. А вот рост было не скрыть никак, так что даже среди обезличенных участников он выделялся сантиметров на пять.

Но еще больше его раздражал преобразователь голоса. Голос оставался мужским, но слишком отличался от настоящего, так что казался каким-то подхалимничающим. Если бы только можно было явить весь свой облик, вот тогда все бы просто ахнули. Вздыхая с неким раздражением, Сухо прошел в помещение, где проводился второй этап эксперимента.

Там уже находились двое. По их измененным голосам он понял, что те, с кем он хоть как-то общался в прошлый раз, еще не пришли.

Прошло около пяти часов, пока собирались все подопытные участники. Процесс размещения на месте проведения эксперимента завершился, и входную дверь заперли. Если только не произойдет чего-то серьезного или кто-нибудь не начнет бунтовать, решив разорвать договор даже с перспективой выплатить сумасшедшие отступные, для этой двери нет причин открываться в течение целой недели. Тихий щелчок замка прозвучал для участников словно гром.

Кроме тех случаев, когда между кем-то из участников первого этапа установились некие отношения, собирающиеся здесь не обменивались приветствиями. По мере увеличения числа присутствующих они уже даже не пытались изображать, что здороваются. Все терялись внутри коллектива, внутри анонимности.

Постепенно участники научились различать друг друга по измененным голосам и начали садиться рядом с теми, с кем ближе общались в прошлый раз. Сидящие рядом люди в одинаковых одеяниях и с одинаковыми лицами-масками представляли собой весьма диковатое зрелище.

Однако Но Чунсён ни с кем не сблизился и ему было не с кем даже поговорить. На первом этапе эксперимента его просто воротило от тех, кто с ним был там. Это были на-

столько непроходимые тупицы, что они не могли даже нормально выполнять задания. Сколько раз эти придурки в масках лажали и портили все дело, когда можно было все прекрасно устроить, если бы они не упрямились и действовали в соответствии с его указаниями.

До недавних пор Чунсон был сотрудником банка, который он считал «своим миром», а банк – это как-никак крупная организация с консервативной культурой, что, конечно, давало ему кое-какую власть. Чунсон привык к тому, что его приказы тут же выполняются. Но возраст вытеснил его в добровольную отставку, а поводов тратить деньги оставалось немало, вот и пришлось принять участие в таком эксперименте. Короче говоря, проблема была в том, что здесь как-то не особо работал его прежний опыт, когда все его указания тут же выполнялись. Чунсона это просто выводило из себя. Он никак не мог взять в толк, почему они столь отсталые: не видят, что рядом с ними лидер, на которого явно можно положиться. Чем им глаза застлало – элементарно не чувствуют, что за аура окружает человека?

Чунсон сам весьма тонко разбирался в социальных отношениях, ведь более двадцати лет протянул в структуре, в которой иначе никак, и чувствовал бы себя некомфортно, если бы сталкивался с такой изоляцией в обычной ситуации. Но сейчас дело обстояло иначе. В условиях, когда личности скрыты и даже лица надежно спрятаны под масками, это во все не было ударом для него. Может, в этом и заключается

эффект анонимности? Не это ли цель эксперимента?

Поразмыслив, Чунсон продвинулся еще дальше. Напротив, задался мыслью, к чему в объявлении упоминались два убийства. В объявлении о наборе на эксперимент в качестве основы для его проведения были указаны два происшествия: первое – где-то год назад всколыхнувшее Республику Корея «коллективное убийство в масках» и второе – оставшееся практически незамеченным «суставное убийство», которое произошло десять лет назад.

В отличие от «коллективного убийства в масках», о «суставном убийстве» большинство людей не знают или не помнят. В объявлении говорилось об этих, казалось бы, не связанных друг с другом происшествиях и утверждалось, что эксперимент устраивается с целью раскрытия «коллективного убийства в масках» при помощи новой ниточки, появившейся в деле о «суставном убийстве» и известной лишь следователям. Вместе с обещанием огромной суммы выплаты за участие организаторы не забыли включить в объявление и завлекательную фразочку о гарантированном интересном времяпрепровождении и опыте. Связь между двумя происшествиями не разъяснялась.

Поскольку основой «коллективного убийства в масках» была анонимность, становилось понятно, почему при проведении эксперимента будут сокрыты личности участников. Условия предлагались неплохие. Времени на сон давали достаточно. Проведению игры отводился весьма короткий про-

межуток – с полудня до шести вечера. Остальное время было свободным, и хотя это называлось опытом испытания самообладания, за что платили большие деньги, настроение было такое, будто едешь в отпуск бесплатно, да еще и деньги дают.

Конечно же, Чунсон, будучи умным и тонким человеком, колебался. На кону стояли большие деньги, но ведь эксперимент есть эксперимент. Впервые увидев объявление, Чунсон вспомнил о «Стэнфордском тюремном эксперименте»⁸, «эксперименте Милгрэма о повиновении»⁹. Однако, судя по объявлению, эксперимент проходил с участием полиции и при поддержке правительства, поэтому он рассудил, что опасного ничего нет.

Поскольку первый этап проходил преимущественно за популярными играми, процесс не вполне воспринимался как эксперимент. Но мысли о том, что именно теперь, на втором этапе, и будут проходить настоящие испытания, заставляли беспокоиться. Когда вокруг стало тихо, Чунсон очнулся от размышлений. Вскоре даже общавшиеся люди стали гово-

⁸ Психологический эксперимент, проведенный в 1971 году американским психологом Филипом Зимбардо. Участники были случайным образом разделены на «охранников» и «заключенных»; на территории проведения эксперимента полностью соблюдалась иллюзия работы тюрьмы. Был завершен по причине проявления крайней жестокости со стороны «охранников».

⁹ Психологический эксперимент, проведенный в 1963 году психологом Стэнли Милгрэмом. Исследовал возможность подчинения строгому авторитету, несмотря на очевидные нарушения норм морали, с целью понять причины жестокого поведения работников нацистских концлагерей во время Второй мировой войны.

ритель меньше. Пусть они уже провели вместе несколько дней, это не делало их ближе, а значит, и круг бесед был ограниченным.

Открылась дверь с табличкой «STAFF ONLY», и вошли трое организаторов.

Чунсон знал того, кто вошел первым. Это Хон Кичжун. Ведет весь эксперимент. Согласно тому, как он представился, опыт работы в силовых структурах – восемь лет, почти десять лет опыта работы в отделе экспертизы криминальным поведенческим аналитиком. Чунсон когда-то видел интервью с ним по телевизору, поэтому знал, кто это. Известный человек и к тому же способный.

Возраста сорока с небольшим, он производил впечатление колючего человека. В его лице и стиле речи было что-то мрачное и напускное, и Кичжун никак не относился к типу располагающих к себе людей. И его черный костюм, и кожаная обувь с отливом, и элегантная стрижка слишком отличали его от участников, а потому он был еще более неприятен.

Хон Кичжун осмотрел неразличимых друг от друга участников и заговорил:

– Во время первого этапа эксперимента мы с вами однажды встречались и вот теперь видимся снова спустя две недели. Я очень рад. Как вам известно, второй этап является завершающим. Как и на первом этапе, вы можете свободно проводить время здесь, а в дневное время добросовестно выполнять предписываемые организаторами действия.

Боясь, что на этом комментарии закончатся, Чунсон спросил:

– А программа та же, что на первом этапе?

Раздался измененный женский голос. Это то, что ему крайне не нравилось. Возраст у него средний, но тело пока вполне гибкое, голова соображает, и чтоб рот солидного мужчины издавал такие звуки!

– Нет, немного другая, – тут же ответил Хон Кичжун.

– А что это за программа? – Манера этого Дылды была исполнена уверенности в себе. Еще в прошлый раз чувствовалось, что эта уверенность граничит с холодной заносчивостью. Широта плеч и рост явно выдавали в их обладателе модель. У всех подошва обуви была, скорее всего, разной толщины, чтобы как-то сравнивать участников по росту, так насколько же высоким должен быть этот мужчина, если высился, как телеграфный столб, на фоне других. Плечи такие широкие, что этого не могла скрыть даже накладка. Вот только этот женоподобный голос был такой тоненький, что, если воспринимать его с закрытыми глазами, казалось, что говорит вкрадчивый подхалим.

Сначала можно было подумать, что преобразователь голоса делает каждого более приметным, но это было не так. Коли у него самого голос юной девушки, то, получается, что измененный голос не имеет никакой связи с реальным полом.

Чунсон оглядел участников. Пол высокого мужчины бла-

годаря фактуре не вызывал сомнений, а вот по поводу остальных определить было непросто.

Кичжун ответил кратко:

– Начнете – узнаете. В прошлый раз вы тоже не были информированы заранее, так ведь? В этот раз достаточно делать так же.

Хон Кичжун сразу не понравился Чунсону. С неприязнью глядя на него, Чунсон думал об этом. Неизвестно, что там другие, а он, Чунсон, сразу почуял в этом Хон Кичжуне социопата. Ноль эмоций, выражение лица ни разу не изменилось. И что имело определяющее значение – его ответы на вопросы или на комментарии участников были совершенно непредсказуемыми. Когда нет эмоций, тогда и ответы обычно специфические. Может, только такой человек и способен противостоять хладнокровным убийцам?

Тогда он заметил, как Кичжун на миг опустил глаза. Непроизвольно. Проницательный взгляд Чунсона отметил это и последовал за взглядом организатора. И увидел на полу то, чего раньше не замечал. Вот лаунж, в котором, образуя круг, были расположены диванчики в количестве, соответствующем количеству участников. А под ними были нарисованы линии. Поскольку их частично закрывали диваны, полный рисунок не был виден, но, по всей видимости, это были четырехугольники.

– Нам, как в прошлый раз, всю неделю нельзя покидать помещение? – Грубый бас осторожно поднял руку. Ну надо

же задать такой очевидный вопрос! Чунсон аж цокнул языком под маской.

– В течение недели дверь будет заперта.

Даже в ответе на такой вопрос в интонации Кичжуна не было оттенка презрения. Этот трепач Грубый бас когда-нибудь доиграется со своими разговорчиками.

– В случае возникновения возгорания или какой-либо иной экстренной ситуации двери автоматически будут открыты, так что можете не волноваться по этому поводу. Вам уже известно, но все же напомним, что по всему периметру помещения установлены камеры наблюдения, благодаря которым мы видим вас в режиме реального времени, но в ваших комнатах в целях соблюдения приватности камеры отсутствуют. Поэтому рекомендуем ради вашей безопасности, проходя в комнату, сразу закрывать дверь на замок. Все остальное пространство находится под нашим постоянным наблюдением, осуществляемым посменно, поэтому в отношении безопасности также нет поводов для беспокойства. Конечно, если возникнет критическая ситуация или неотложное дело, вы можете воспользоваться кнопкой «Срочный вызов», расположенной возле выхода. Итак, будем считать, что больше вопросов нет, мы покидаем вас и приступаем к основной части второго этапа эксперимента. А, осталось еще три часа. Что ж, желаю всем благополучно и со смыслом провести время.

Кичжун с сотрудниками вышли в ту же дверь, через ко-

торуую входили. Тяжелая дверь с надписью «STAFF ONLY» бесшумно закрылась. И снова в помещении остались только участники эксперимента.

Как и в ходе первого этапа, эта дверь, скорее всего, целую неделю открываться не будет.

Минчжу, сосредоточенно нахмутив брови, осматривала другие маски, пытаясь что-нибудь разглядеть. Маска несколько поднималась над глазами, поэтому приходилось постоянно двигать головой. Мало того, что видно было плохо, так еще из-за необходимости трясти головой настроение потихоньку ухудшалось. Да, из-за этого разборки устраивать не будешь. Ведь она сама вызвалась посмотреть, нет ли в других чего-то такого, что позволит их различать, когда подумала, вдруг это возможно. Знала бы она, что участники будут подсмеиваться, не просила бы. Ее ошибка была в том, что она согласилась на голос, не послушав предварительно.

– Послушайте... вы не могли бы не двигаться? Я как раз вас рассматриваю.

– А я специально вам лицо подставил, чтобы вы рассмотрели.

Тоненький мужской голосок. Таких людей, если по-доброму, называют шалопаями, а если по-простому – то «без царя в голове». Наверное, по жизни он идет легко, во всем ищет только удовольствия. Не похож ни на мужчину, ни на женщину, пола не угадать. Но по общему характеру поведе-

ния Минчжу решила, что этим тоненьким голоском обладает мужчина.

– Посидите спокойно. Мне надо посмотреть.

Только тогда он перестал дергаться. Зато лицо выставил чуть не в упор. Минчжу отпрянула и тихонько отодвинулась подальше. Чем дольше она вглядывалась, тем более неприятно ей становилось. Зачем выбрали такое оформление маски?

На этот раз заговорил женский голос:

– А чем нам три часа заниматься, скажите на милость? Задания никакого не дали.

Услышав голос, Минчжу тут же вспомнила участника, который ходил вразвалочку и имел размашистые движения. На первом этапе у них несколько раз возникали трения.

Дылда ответил:

– В прошлый раз было то же самое. Сидели восемь человек и три часа ничего не делали, очень странно было. Забыли, что ли?

– Точно. Тогда еще пытались понять, что к чему, комнаты не были определены, времени тьма на это ушла. – Вразвалочку согласился. Женский голос совсем не подходил его властной манере.

Как сказал Вразвалочку, в тот раз все было как-то ни шатко ни валко. По сути, если сравнивать, сейчас все было вообще образцом организации.

При всей простоте обстановки привыкнуть к неизвестно-

му пространству, в котором тебя запирают на неделю, оказалось непросто. Непонятно, какое отношение все это имело к эксперименту, но Минчжу было все равно. Лишь бы дали деньги.

Минчжу, которой в этом году исполнилось тридцать три года, работала с финансами в одной маленькой торговой фирме, но два месяца назад она вдруг оказалась безработной. Кредиты на тридцать миллионов вон, которые она брала на учебу и жизнь, она почти все выплатила. Но стоило фирме обанкротиться, как не то что оплачивать кредит, элементарно жить стало просто не на что. Подработками Минчжу перебивалась еще со старших классов, уже лет пятнадцать, и возвращение к такому положению казалось для нее крахом. Единственная дочь вечно занятых и при этом малоимущих родителей, она росла в недостатке тепла и любви, а согласно принципу «беда не приходит одна» она еще и пахать должна была постоянно, вот так и превратилась постепенно в одиночку по жизни.

С возрастом деньги то уходили, то появлялись, и Минчжу стало казаться, что она неуклонно катится вниз. Из-за этого Минчжу думала, что пятьдесят миллионов изменят ее жизнь. И потому больше ничего ее не интересовало.

– У всех все хорошо? – Маска с бесполым голосом, не позволявшим разобрать, мужчина говорит или женщина, обратился ко всем.

Минчжу знала, что это человек, который пришел вторым

после нее. Голос осторожный такой, совсем не вызывал расположения. Человек полностью замаскирован, но все равно впечатление создает такое, что не располагает к себе, – даже странно.

Говорил он медленно и имел привычку, когда испытывал затруднения или смущался, закладывать руки за шею. Такие вещи сам человек может не знать, но в любом случае, когда друг друга не различаешь, всякие подобные отличия сразу становятся более заметными и лучше врезаются в память.

– Рад снова видеть вас! – Веселый голос помахал рукой. Минчжу нахмурилась под своей маской. Видать, он решил, что пришел на собрание сообщества или званый ужин.

Ближе других Минчжу общалась с маской с женским голосом, обладатель которого часто волновался и говорил заметно громче других. Это такой типаж, который при живости манер говорит с особым напором, что может вводить в заблуждение, и как раз это ей нравилось. В целом этот участник был Минчжу по душе больше всех. Несколько раз он чуть было не рассорился с другими участниками, но такая искренность ее, напротив, привлекала. Женщина это или мужчина, было не разобрать, но, судя по тому, что им было легко общаться, Минчжу сделала вывод, что это женщина.

Она хотела найти этого человека. Пока тот голос не прозвучал, и потому не было понятно, кто это. Осматривая участников, Минчжу незаметно для себя ухмыльнулась. Ну и картинка – все в одинаковой одежде, в одинаковых масках.

Все это выглядит странно и несколько смешно, что ли. Кто есть кто, непонятно, но только один человек, высокий и широкоплечий, был исключением. Его рост и фактуру не могли скрыть даже накладки, так что и обувь у него наверняка не имела дополнительных стелек.

– И чем займемся эти три часа? – спросил Вразвалочку.

– Может, пока разойдемся по комнатам, немного отдохнем? – предложил Бесполоый. Выражения лица не увидеть, но Вразвалочку не ответил, видимо, предложения не поддержал.

Потом заговорила Минчжу:

– М-м-м, послушайте... Человек с громким голосом. Где вы?

– А, это я. Я здесь. – Маска, сидевший на диванчике напротив, поднял руку.

– Вы поняли, кто я, да?

– Да. – Громогласный покивал головой в знак согласия. Видимо, он тоже узнал Минчжу по ее измененному голосу.

– Так-так, ну-ка. Личные дела будете обсуждать потом, отдельно пообщаетесь. А сейчас, может, произнесем наш недельный лозунг? – поднял руку Шалопай, вставая с места.

Остальные несколько неохотно, но без всяких возражений поднялись со своих мест.

Мёну, недовольно взирая на этого Шалопая, который снова не в тему вылезал, вынужденно поднялся со своего места, поскольку это сделали другие. Шалопай выкрикнул лозунг в

манере застольного тоста и даже симитировал звон бокалов.

Когда этот детский сад закончился, Мёну сказал, что пойдет в свою комнату отдохнуть. Он пришел вторым, находился здесь уже битых пять часов и чувствовал себя вымотанным. Остальные, словно по его команде, тоже разошлись по комнатам.

В комнате за две недели ничего не изменилось. Полуторная кровать, чайный столик, стул, базовый санузел, в котором приготовлены новенькие шампунь, мыло и бритвенные принадлежности. Все это было очень дорогое. Сбоку стоял таз с крышкой для стирки одежды. Как и в первый раз, в день окончания эксперимента он будет заполнен.

Больше ничего не было. Даже какой-нибудь книжонки. Словно это место предполагалось исключительно для сна. Наверное, будет скучновато, но это не страшно. В прошлый раз он тоже в этом неудобном месте только спал.

Мёну собрался было к раковине, чтобы помыть вспотевшие на нервах руки, но вдруг ощутил невыносимый дискомфорт и снял маску. Было очень приятно ощутить, как нос, а затем и легкие наполняет свежий воздух. В этот раз в санузле не было зеркала. Неясно, какое это могло иметь отношение к анонимному эксперименту, но, видимо, отсутствие зеркала было частью общего замысла.

Вот уже два года Мёну терпеть не мог видеть свое отражение. Однако трудно избежать этого, когда зеркала повсюду, а тут этого не требовалось! Совсем новый опыт. Во время

пребывания здесь его оставленная за этими стенами жизнь представлялась в ином свете.

В этом году ему стукнуло пятьдесят три. Шел уже третий год, как он лечился и весь словно сжался, скукожился. В молодости Мёну изо всех сил старался достойно жить и даже подумать не мог, во что он превратится с годами.

Трижды потерпев неудачу в бизнесе, куда вложил все, что имел, было трудно оставаться в нормальном психологическом состоянии. Это усугублялось характером, который позволял Мёну ощущать комфорт только при условии, что даже в мелочах все продумано и приведено в порядок. Душевный разлад привел к проблемам со здоровьем. Обремененный кучей долгов, он уже был готов сдаться совсем. И когда Мёну находился на грани перехода от мыслей о крайней мере к делу, подвернулось судьбоносное объявление.

Если бы этого не произошло, у него не было бы возможности что-то делать, не оставалось бы сил начать с начала. Главное – здесь обещают деньги! Имея такую сумму, можно было и с долгами кое-как рассчитаться, и сроки оттянуть. Мёну хватался за соломинку, и небеса помогли.

Вот в этом и заключалась причина того, что это место казалось просто раем.

Сухо думал, что, как и в прошлый раз, перед трапезой все соберутся в лаунже.

Он высчитывал время, чтобы появиться тогда, когда все

уже будут там. Ведь главный герой всегда выходит на сцену последним. Теперь как раз, должно быть, собрались. Предположив это, Сухо открыл дверь. Но его желание не осуществилось. Там были только шестеро. Один человек еще не пришел. Обернувшись, Сухо увидел, как медленно вышагивает Громогласный. Получилось, что именно он пришел последним.

Громогласный и Грубый бас уселись рядом, будто друзья. Вроде как, говорят, Грубый бас пришел на второй этап первым.

– Уважаемый, вы в этот раз, кажется, какой-то немного другой, – сказал Грубый бас Громогласному. А тот, словно собираясь сообщить некий секрет, еще больше понизил тон:

– А, да? Думаю, в прошлый раз я не мог себя сдерживать и говорил слишком громко. Из-за этого же и конфликты бывали... Просто теперь я жалею об этом.

– А почему? Вам кто-то что-то сказал?

– Да что там говорить. Разошлись, так и не узнав друг друга в лицо. Я сам понял это, вспоминая, как все было. Может, это такой эффект от эксперимента...

– Ну, может быть, конечно, но вряд ли это входило в его задачи. – Обе маски одновременно прыснули. Голос был изменен, но в смехе ощущались женские нотки. Это явно подтверждало, что эти двое – женщины. Грубому басу, судя по манере поведения, было двадцать с небольшим. Как только электронные часы показали 6:30, со стороны дайнинг-рума

донесся звонок. Все уже ощущали голод и по звонку тут же как один направились туда.

Заняв место в дайнинг-руме, Сухо почему-то ощутил радость. И одновременно с этим почувствовал необъяснимый кураж оттого, что снова оказался в этом замкнутом пространстве.

Трапеза проходила так же, как и в прошлый раз. Каждому предоставлялась порция весьма дорогой еды, к ней приборы – ложка, палочки и вилка из тонкого пластика, которые после окончания еды все до единого отправлялись в короб, стоящий на грузовом лифте. Участники были предупреждены, что если хоть один прибор окажется не сдан, то организаторы тут же будут извещены об этом и на виновника будет наложен штраф, который вычтут из полагающейся суммы выплаты.

В кухне не было ни одного прибора, который мог бы стать оружием, будь то нож или ножницы. Были приготовлены кофейная машина, вино, безалкогольные напитки. При таком раскладе не было жалующихся. Напротив, все были удовлетворены и делились впечатлением, что здесь вполне комфортно.

Во время ужина Сухо действительно ощутил такой комфорт, будто сидит за столом со своей семьей. Понятно, что в течение недели их будут сводить за общей трапезой определенные причины, но, похоже, в любом случае большое влияние оказывает именно анонимность. Он впервые пришел к

мысли, насколько же удобно иметь возможность не приукрашивать себя перед людьми.

Постепенно, помимо шума от соприкасающихся пластиковых приборов и пережевывания пищи, дайнинг-рум наполнился звуками непринужденной беседы. В разговорах не затрагивались важные вопросы.

* * *

На следующий день после завтрака время до полудня было объявлено свободным, и несколько участников, выйдя в лаунж, слонялись без дела. Только лаунж, комнаты вокруг и дайнинг-рум – заняться нечем вовсе. Иной раз того и гляди перепутаешь день с ночью, если бы на часах не было указано «am» и «pm».

Те пятеро, что вышли в лаунж, или болтали друг с другом, или сидели по одному на диванчиках и отдыхали. Уже не чувствовалось напряжения, царившего в прошлый раз. Ища собеседника, они были вынуждены проходить через этап обращения друг к другу: «Уважаемый, вы кто?» – даже без возможности улыбнуться. Но беседовать с закрытыми лицами было по-своему занятно. Казалось, эти четверо, беседующие по парам, не собираются разделяться.

Чунсон подумал, что было бы неплохо послушать какие-нибудь песни, и тут же поморщился. Громогласный с Грубым басом расположились по самой середине дивана, за-

няв все пространство, и громко трепались. Этому орущему надо было бы в маске приделать регулятор громкости.

Чунсон не понимал еще кое-чего. Неужели никто до сих пор не заметил расчерченных на полу линий? Вдруг ему в глаза бросился сидевший в одиночестве на краю дивана участник. Поскольку он не двигался, определить, кто это, было невозможно. Чунсон решил заговорить с ним. Когда он сел рядом, маска повернул голову.

– Мне бы услышать голос...

Маска даже не шелохнулся и лишь нагло пялился на него.

Поскольку на месте глаз в масках имелась лишь узкая щелка, глаз не было видно. Если всматриваться, можно было еле-еле рассмотреть зрачки, но от долгого взгляда становилось жутковато.

Что это он не отвечает, а сидит и смотрит? Ни с того ни с сего Чунсону показалось, что он знает, кто перед ним. Не тот ли, что во время прошлого эксперимента не стеснялся обращаться на «ты» и то и дело выпаливал невежливые словечки. Тот, что говорил мало, а как раскроет рот, так каждый раз в самую точку, да так провокационно, что все время смущал остальных. Наверняка многим испортил настроение.

– Голос.

Молчание.

Ну и шуточки.

Чунсон не улыбнулся и вглядывался в собеседника. Да, это явно тот грубиян. Голос не резкий, не тонкий, обычный.

В памяти оставался только его циничный тон.

– Ха-ха. А вы занятный человек! – Чунсон не улыбнулся, но сказал так, будто улыбался. Его презрение и холодное выражение лица скрывала маска. У него больше не было желания общаться с этим типом, но узел надо было распутывать, поэтому пришло время хоть что-нибудь, но говорить.

– Люди здесь напрягают, да? – Циник неожиданно заговорил первым, что смутило Чунсона.

– Что-что?

– Я знаю, кто вы, уважаемый. Вы тот, кто демонстрировал лидерство.

– А, ну, мне по работе положено... Уф! Ляпнул... Нельзя же о себе ничего рассказывать.

– Из ваших слов ничего конкретного о вас узнать нельзя, чего уж там. Но, если честно, похоже, тут собрались какие-то кретины.

Чунсон смутился. Как этому незнакомцу удалось залезть в самую глубину его души? С другой стороны, он озвучил то, что у самого Чунсона накипело, поэтому он ощутил некое облегчение.

Циник продолжил:

– Уважаемый, вы обратили внимание? На линии под диваном?

Чунсон поразился:

– Вы тоже видели! А я думал, что только я. Никто ничего не говорит...

– Как думаете, зачем эти линии? Наверное, если поднять диван, то можно будет разобраться.

– Скоро начинается программа.

Минута в минуту раздался стук, кто-то проверял микрофон. Видимо, вот-вот начнется трансляция. Ну надо же, только дело дошло до приятного разговора, а тут... С досадой Чунсон взглянул на электронные часы. На них был ровно час дня.

– Здравствуйте. Надеюсь, вы хорошо отдохнули за ночь. Говорит Хон Кичжун. Прошу всех собраться в лаунже.

Все участники расположились на диванах. Вышли и те, кто до сих пор оставался в комнатах.

– Итак, начинаем действие сегодняшнего дня. Как и на первом этапе эксперимента, это не займет много времени.

Слова прозвучали сразу, как только в лаунже собрались все восемь участников. В такие моменты они четко понимали, что за ними следят через камеры. Чунсона неимоверно раздражало, когда за ним наблюдали или когда ему приходилось следовать чьим-то указаниям.

– Просьба ко всем, перед началом действия отодвинуть диваны назад.

Участники с удивлением озирались. Эта реакция выражала непонимание, зачем нужно убирать диваны. Чунсон мог себе представить выражения их лиц. Жаль, что нельзя было увидеть тупое недоумение на их лицах, когда они увидят линии на полу.

Маски совместными усилиями отодвинули диваны к краям. В результате оказались на виду расчерченные на полу линии.

– Ой, а что это за линии? – спросил Грубый бас, указывая пальцем на линию.

– И верно.

– И как я раньше не заметил!

– А вроде их раньше не было...

Слушая это тупое пустозвонство, Чунсон усмехнулся. Очень даже удобно, можно усмехаться сколько влезет, а за маской никто не увидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.